

УДК 82.091

Н.Н.Подсокорский**О ГЕНЕРАЛЕ ИВОЛГИНЕ И НАПОЛЕОНЕ***Гуманитарный институт НовГУ*

An attempt of reconstruction of the biography of one of character of the novel of F.M.Dostoevsky "The Idiot", general Ivolgin is presented. Such approach allows to look at a problem of napolioism of this character in a new way and explains many details in its story about 1812. Studying of napolionism of this character in a view of a cultural-historical basis of the all-European napoleonic legend opens new senses in the novel "The Idiot".

Рассказ генерала Иволгина о Наполеоне уже частично комментировали Р.Г.Назирова, И.Л.Альми, И.Л.Волгин и М.М.Наринский [1]. Думается, что специальное изучение этого рассказа с учетом культурно-исторической основы наполеоновского мифа позволит раскрыть еще много смыслов в романе «Идиот».

Прежде чем приступить к рассмотрению легенды Иволгина, рассказанной им самим, необходимо обратиться к личности рассказчика. Ардалион Александрович Иволгин имеет генеральский чин; и этот факт говорит, что он достиг «предела русского счастья» и «популярного национального идеала спокойного, прекрасного блаженства» [2]. Однако после неизвестной нам внутренней катастрофы герой предался порокам пьянства и лжи и целиком подчинился овладевшему им беспорядку, хотя прежде был «только слишком восторженный человек» (8,104). Сам

«несколько поэт в душе» (8,109), опустившийся генерал испытывает потребность в художественном творчестве, стремится через сочинительство осмыслить собственную судьбу, которую очень тесно связывает с судьбой Наполеона. Несомненно, что в своем рассказе он выражает свойственное его поколению общее преклонение перед Наполеоном в юности: «Потому что тогда все, несколько лет сряду, только и кричали о нем. Мир был наполнен этим именем; я, так сказать, с молоком всосал» (8,413).

На отношение отставного генерала к Наполеону может пролить свет биография Иволгина, которую можно восстановить лишь фрагментарно, основываясь на проскальзывающих мимоходом фактах его жизни в диалогах персонажей романа. Важнейшим источником для такой реконструкции являются признания и припоминания самого героя, который в разговоре «поминутно вставлял биографические и топо-

графические подробности, исполненные математической точности» (8,109), хотя к ним и следует относиться весьма критично. Родился Ардалион Иволгин в самый год войны с армией «двунадесяти языков». Об этом свидетельствует его возраст, сообщенный автором в первой части романа (т.е. применительно к 1867 г.): «Новый господин был высокого роста, лет пятидесяти пяти или даже поболее...» (8,80). Хотя возраст указан не совсем определенно, тем не менее, первая составляющая — «лет пятидесяти пяти» — говорит о том, что герой родился именно в 1812 году. Князь Мышкин даже намекнет на сходство его рассказа о Наполеоне с воспоминаниями А.И.Герцена в первом томе «Былого и дум», поскольку и последний родился в тот же памятный год: «...конечно, вы можете сообщить... так же как и все бывшие. Один из наших автобиографов начинает свою книгу именно тем, что в двенадцатом году его, грудного ребенка, в Москве, кормили хлебом французские солдаты» (8,412).

Первоначальное образование герой получил в одном из кадетских корпусов, где, по его словам, «нашел одну муштровку, грубость товарищей» (8,417). По окончании корпуса юный почитатель Наполеона был переведен офицером в один из кавалерийских полков русской армии, что следует из его заявления князю Мышкину: «...надеясь на Иволгина как на стену, вот так говорили еще в эскадроне, с которого начал я службу» (8,110). Однако карьера его сложилась совсем не по-наполеоновски: довольно продолжительное время он пребывал в оберофицерских чинах, начиная с самого младшего — чина прапорщика, о чем нам известно от Лебедева, сообщившего князю следующие подробности о генерале: «Это бы ничего-с, маленькая слабость, но сейчас уверял, что всю его жизнь, с самого прапорщичьего чина и до самого одиннадцатого июня прошлого года, у него каждый день меньше двухсот персон за стол не садилось» (8,198). Свидетельство последнего заставляет думать, что Иволгин начал службу в эскадроне драгун, поскольку в армейской кавалерии он имел бы не «прапорщичий чин», а чин корнета, впоследствии же — чин штабс-ротмистра, а не штабс-капитана. Драгуны были наиболее массовым видом кавалерии российской армии в период Отечественной войны [3]. За отличия в войне 1812 — 1814 гг. четыре драгунских полка были награждены георгиевскими штандартами, один полк — георгиевскими трубами, два полка — знаками на каски «За отличие» [4]. Рассказы о подвигах этого рода тяжелой кавалерии воинская традиция чтит долго, передавая их из поколения в поколение. Не случайно М.Ю.Лермонтов, сам прослуживший некоторое время прапорщиком в знаменитом Нижегородском полку на Кавказе, в стихотворении «Бородино» упомянет «драгун с конскими хвостами». К этому лермонтовскому шедевру (правда, говоря о петровской эпохе) в романе «Идиот» обратится другой «кандидат в Наполеоны» — князь Мышкин: «тогдашние люди... совсем точно и не те люди были, как мы теперь, не то племя было, какое теперь, в наш век...» (8;433; 9,456). Ардалион Иволгин, наделенный красноречием и возбуждавший вос-

торг своими каламбурами в офицерском обществе 40-х годов (8,418), должно быть, узнал в молодости немало занимательных рассказов о войнах с Наполеоном от своих сослуживцев.

Неизвестно, как происходило производство Иволгина в последующие чины, но можно утвердительно сказать, что он имел всего лишь чин штабс-капитана, когда Аглае Епанчиной было шесть лет: «Помню, всё помню! — вскричал он. — Я был тогда штабс-капитаном» (8,203). Поскольку в первой части романа автор четко определил возраст Аглаи — ей «только что исполнилось двадцать» (8,16), несложно вычислить, что драгунским штабс-капитаном Иволгин был в самом начале Крымской войны 1853 — 1856 гг., и тогда ему было уже не менее 41 года. Чин штабс-капитана русской армии, согласно существовавшему тогда порядку, относился к десятому классу табели о рангах и от самого младшего генеральского чина (генерал-майора) его отделяло шесть классов. Выходит, что взлет карьеры Иволгина пришелся как раз на период Крымской войны, когда ему удалось проявить свое служебное рвение, личную храбрость и выдающиеся способности командира. Поэтому герой так часто и обращается к теме этой войны.

Генерал Иволгин чаще всего вспоминает о событиях, происходивших на кавказском фронте Крымской войны, а именно об осаде Карса, что заставляет полагать, что он действительно отличился при осаде и взятии этой крепости русскими войсками под командованием генерала-от-инфантерии Н.Н.Муравьева. Известно, что драгунские полки очень активно участвовали в военных действиях на Кавказе, как до, так и во время Крымской войны. В 1855 г. в боевых действиях под Карсом принимали участие и отличились три драгунских полка: Нижегородский, Новороссийский и Тверской. Очевидно, Иволгин являлся офицером одного из них. Ко времени появления князя Мышкина в квартире Иволгиных воспоминания генерала о своих подвигах под Карсом уже приобрели вид сильно приукрашенной, почти анекдотической истории, которую герой, «старый несчастный солдат и отец семейства» (8,91), рассказывал с большой охотой всякому собеседнику.

Для «заслуженного старого воина», ветерана Крымской войны, сознававшего, какие силы были на нее затрачены и каковы были ее конечные результаты, закрепленные «позорным» Парижским миром 1856 г. (по которому, между прочим, туркам возвращалась и крепость Карс, при взятии которой отличился он сам и где, вероятно, даже получил пулевые ранения (8,92)), вполне логичным было обращение к хранившемуся в памяти близкому историческому примеру военной славы России — победе над Великой армией Наполеона. Сравнение двух этих войн было исторически оправданным явлением: «Для второй Империи Наполеона III эта война была продолжением продвижения Франции на Восток... — пишет Е.Г.Матюшенко, — реваншем за поражение в русской кампании 1812 года. Тень Наполеона I часто встречается в русской карикатуре на французскую армию и Наполеона III (так же, как и впоследствии на советском антигитлеровском плакате времен Великой

Отечественной войны). Поражение России в Крымской войне обострило противопоставление двух войн, добавив оппозицию: «слава-позор» [5]. Еще в «Дядюшкином сне» пародийное превознесение таких Наполеонов, как Марья Александровна и князь К., происходит на фоне идущей Крымской войны: об этом говорят слова о намерении «составить театр, — для патриотического пожертвования... в пользу раненых...» (2,313). Достоевский неоднократно сравнивал Отечественную войну 1812 г. с Крымской войной 1853 — 1856 гг. В стихотворении «На первое июля 1855 года» это выражено наиболее явно: «Когда настала вновь для русского народа // Эпоха славных жертв двенадцатого года // И матери, отдав царю своих сынов...» (2,407).

В пламенной душе русского патриота, не выдержавшего изменений неких «обстоятельств» (8,104), превративших его фигуру во что-то «опустившееся, износившееся, даже запачканное» (8,80), все же сохранилось много светлых мыслей о замечательных событиях и героях прошлого, о чем свидетельствует его рассказ о Наполеоне.

Описание первой встречи Ардалиона с Наполеоном и описание их расставания объединены символическим присутствием в обеих сценах образа лошади, который является особенно значимым в устах кавалерийского офицера Иволгина, прошедшего долгие годы своей военной службы в седле. Выучка бывшего драгуна, несомненно, отразилась и в словах, включенных им в рассказ о Наполеоне: «Я ездил верхом порядочно» (8,415). Неудивительно, что любивший лошадей впечатлительный генерал сочинил и затем рассказывал окружающим историю о том, как однажды «у него серая пристяжная заговорила» (8,104). Позднее герой даже уверит себя в том, что и в его роковой ссоре с генералом Епанчиным также подспудно присутствовал лошадиный мотив: несчастная болонка, безжалостно выброшенная из окна поезда, в воображении Иволгина, являлась фавориткой никого другого, как шестерых княжон *Белоконских*.

Маленький герой рассказа о 1812 году впервые видит прославленного полководца, «о котором так много кричали ему» (8,413), в минуту, когда Наполеон «слезал с лошади». При расставании камер-пажа с императором тот уже «садился на коня». В промешутке между двумя этими положениями происходит их общение, столь повлиявшее, по убеждению генерала, на общий ход военной кампании. Спешенный Наполеон в рассказе генерала — это нарочито сниженный образ «всадника, Папою венчанного» [6], «всадника, пред кем склонились цари» [7]. Изображение лидера государства, отмеченного военным дарованием, на коне с давних времен символизировало устрашающий образ властелина, торжествующего над своими неправыми врагами и человеческой слабостью. Из российской традиции достаточно вспомнить воспетого Пушкиным «Медного всадника» Э.М.Фальконе, которого Г.С.Померанц даже назвал «двойником Наполеона в русской поэзии» [8], или другой памятник Петру I, созданный К.Б.Растрелли в правление Павла I. Последнюю скульптуру, стояв-

шую на площади перед Михайловским замком, Достоевский, должно быть, многократно созерцал в годы своего обучения в Главном инженерном училище.

Лошадь под всадником обозначала одновременно усмиренный народ и подчиненное единой воле государство. Об этом с благоговением писал в «Божественной комедии» Данте Алигьери, сравнивая родную Италию с лошадью без хозяина (Чистилище. VI, 88-94) [9]. Вместе с тем образ Наполеона на лошади у Достоевского восходит к стихотворению О. Барбье «Идол» (1831) из цикла «Ямбы». С этим стихотворением связано первое известное нам упоминание Достоевским имени Наполеона. В письме к брату Михаилу от 1 января 1840 г. он заметил: «между прочим, у тебя были в свежей памяти его [Барбье] слова о Наполеоне» (28-1, 67). Барбье изобразил Наполеона жестоким «смельчаком-наездником», оседлавшим Францию и замучившим ее беспощадной ездой [10].

Образ Наполеона на коне еще со времен консульства воплощал в себе великую славу и зримое могущество. Именно так изобразил его Жак Луи Давид на картине «Бонапарт при переходе через Сен-Бернар» (1800); таким представлялся он и в сознании А.С.Пушкина:

Вы слышали, люди добрые,
О царе, что двадцать целых лет
Не снимал с себя оружия,
Не слезал с коня ретивого,
Всюду пролетал с победой,
Мир крещеный потопил в крови... [11]

Так что *слезающий с коня* Наполеон в рассказе Иволгина — это само по себе существенное отклонение от хрестоматийного образа грозного всадника, сросшегося со своим конем в единое и нераздельное кентаврическое существо. Это намеренное дистанцирование и от того Наполеона, которым так восхищался Раскольников: «О, как я понимаю «пророка», с саблей, на коне. Велит Аллах, и повинуйся «дрожащая» тварь!» (6,212). Весьма своеобразно кентаврическая сущность Наполеона проявилась в поэме Н.В.Гоголя «Мертвые души», к которой обратится перед своим первым ударом генерал Иволгин (8,418). У Гоголя «Наполеон-Чичиков» едет в бричке, которую везут трое «чудо-коней», одного из которых кучер Селифан называет «варвар», «Бонапарт проклятый!» [12].

Отход генерала Иволгина от традиционного изображения *полководца на коне* обусловлен тем, что Московский поход Великой армии стал последним грандиозным военным предприятием наполеоновского гения. Россия не уместилась в границы расширяющегося чудовищного ипподрома. Уже на самой российской границе «наполеоновская лошадь» стала серьезно хромать [13].

Лошади же наполеоновского воинства представляли собой в Москве уже не грозную боевую силу, но потенциальный корм на зиму для оголодавших французов и их союзников. Бывалый кавалерист Иволгин выдумывает особый проект, авторство коего он приписывает князю Экмюльскому, «железному маршалу» Франции Луи Никола Даву, также кавалеристу в прошлом. Проект этот предполагал зимовку

остатков Великой армии в Москве и предусматривал «расставить пушки, убить по возможности более лошадей и посолить их мясо» (8,416). Надо полагать, эта выдумка рассказчика была отвергнута им самим, в лице маленького камер-пажа, не в последнюю очередь из-за «хорошего отношения к лошадям».

В рассказе генерала Иволгина очеловеченный, спустившийся на землю диктатор распаивает свою душу перед десятилетним ребенком, способным проникнуть в его тайну своим особым, детским чутьем. И хотя в сожженной Москве 1812 года Наполеон кое-как еще пытался поддержать свое рушащееся величие, — недаром генерал Иволгин говорит о прогулках императора на коне в окружении свиты (8,414, 415), — в целом его образ «непобедимого всадника» заметно тускнеет, и покорная лошадь готовится на последние, предсмертные рывки 1813 — 1815 гг., чтобы на исходе бешеной скачки, как выразился Барбье, «глухо рухнуть на ложе из картечи, ломая всаднику хребет» [14].

1. Назиров Р.Г. О прототипах некоторых персонажей Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Т.1. Л., 1974. С.202-219; Альми И.Л. К интерпретации одного из эпизодов романа «Идиот» (рассказ генерала Иволгина о Наполеоне) // Достоевский. Материалы и исследования. Т.10. СПб., 1992. С.163-172; Волгин И.Л. «Родиться в России...» Достоевский и современники: жизнь в документах. М., 1991. С.144-156; Волгин И.Л.,

- Наринский М.М. «Развенчанная тень». Диалог о Достоевском, Наполеоне и наполеоновском мифе // Метаморфозы Европы. М., 1993. С.127-164.
2. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т.8. Л., 1973. С.269-270. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.
3. В начале 1812 г. в российской армии было 6 гвардейских, 8 кирасирских, 36 драгунских, 11 гусарских и 5 уланских полков. См.: Подмазо А.А. Драгуны // Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. М., 2004. С.257.
4. Там же.
5. Матюшенко Е.Г. Наполеоновский миф в России // Наполеон. Легенда и реальность: Материалы научных конференций и наполеоновских чтений. 1996 — 1998. М., 2003. С.187.
6. Пушкин А.С. Евгений Онегин: Роман в стихах // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т.5. Л., 1978. С.181.
7. Пушкин А.С. «Недвижный страж дремал на царственном пороге...» // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т.2. Л., 1977. С.159.
8. Померанц Г.С. Наполеонов комплекс в русской литературе // Наполеон. Легенда и реальность. С.196.
9. Данте Алигьери. Собр. соч.: В 2 т. Т.1: Божественная комедия / Пер. с итал. М.Лозинского. М., 2001. С.206.
10. Барбье О. Идол / Пер. с франц. П.Антокольского. // Беранже П.-Ж. Песни; Барбье О. Стихотворения; Дюпон П. Песни. М., 1976. С.311.
11. Пушкин А.С. Бова (Отрывок из поэмы) // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т.1. Л., 1977. С.57.
12. Гоголь Н.В. Мертвые души. Том первый // Гоголь Н.В. Собр. соч. в 8 т. Т.5. М., 1984. С.38.
13. Сегюр Ф.-П. де. Поход в Россию. Записки адъютанта императора Наполеона I / Пер. с франц. Н.Васина, Э.Пименовой. Смоленск, 2003. С.33.
14. Барбье О. Указ. соч. С.311.